Японские исследования, 2022, №3, С. 39-49 htt
ps://doi.org/10.55105/2500-2872-2022-3-39-49
Опубликована: Июль 1, 2022

Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.)

Гончар Владимир Владимирович

Доктор медицинских наук, профессор кафедры стоматологии, КГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации специалистов здравоохранения» министерства здравоохранения Хабаровского края (адрес: Россия, 680009, Хабаровск, ул. Краснодарская, 9). ORCID: 0000-0002-0200-6719; E-mail: goncharvv@mail.ru

Аннотация

В статье изучается деятельность японских врачей на территории Приамурского генерал-губернаторства Российской империи. Выполненный архивный поиск позволил увидеть широкий спектр медицинских практик японских мигрантов, как организованных с разрешения местной администрации, так и примеры врачебной деятельности вне российского правового поля. Учредителями японских лечебных заведений на российской дальневосточной территории были частные лица, которые действовали как по собственной инициативе, так и по приглашению руководителей территориальной диаспоры. Коммерческая эффективность организованных лечебниц была одним из главных признаков успешности медицинской практики. Медицинская деятельность японских резидентов была сосредоточена в городах, в сельской местности же не была распространённым явлением. Повседневная работа японских врачей была основана на принципах западной медицины и направлена, в первую очередь, на удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании и лекарственном обеспечении соотечественников, что не исключало оказание медицинской помощи местному населению ввиду недостатка лечебных организаций и отечественных специалистов. В реестр оказываемых японскими врачами и вспомогательным медицинским персоналом (фельдшер, акушер, дантист, медсестра, провизор) услуг входила доврачебная, первичная врачебная и специализированная медицинская помощь, медицинские осмотры определённых контингентов населения, ряд работ по лабораторной диагностике, сестринский уход, работы по дезинфекции и стерилизации. В повседневной лечебной работе кроме консервативной терапии выполнялись операции на органах брюшной полости, ампутации, трепанации, томии, инцизии, экстракции, аборты. Вопросы профилактики, санитарии и другие проблемы общественного здравоохранения

были вне сферы их деятельности. Оказание медицинской помощи осуществлялось как в условиях стационара, так и амбулаторно. Наличие спроса на медицинские услуги и особые конкурентные преимущества обеспечивали японских медицинских работников высокими гонорарами, однако в российском обществе их деятельность оценивалась неоднозначно, как по причине низкого уровня медицинского образования мигрантов, так и вследствие существовавшего дискурса о т.н. «жёлтой опасности».

Ключевые слова: Дальний Восток России, Япония, врачи, медицинская практика, история медицины, организация медицинской помощи, японская диаспора

Японская трудовая миграция на российский Дальний Восток, а также деятельность японской диаспоры в конце XIX - начале XX вв. была предметом многочисленных публикаций и научных исследований [Васкевич 1905; Вехотина 2006; Моргун 1996; Поволоцкий 2018]. В центре внимания этих работ была коммерческая деятельность японских предпринимателей, функционирование японских сообществ и производственных корпораций, раскрывалась роль диаспоры в повседневной жизни японских мигрантов. Одной из сфер деятельности японских резидентов была частная медицинская практика [Гончар 2018]. По подсчётам Тамура Айка, в 1917 г. на Дальнем Востоке России осуществляли деятельность 27 японских врачей общей врачебной практики и 23 зубных врача [Тамура 2007]. Врачебная деятельность японских подданных на территории Дальнего Востока России была проанализирована В.В. Граве в трудах Амурской экспедиции 1910 г. В своём отчёте он даёт оценку этому явлению в целом и делает вывод, что ввиду недостатка врачей на Дальнем Востоке медицинская практика японцев была полезна для населения региона. Однако из-за увеличения количества отечественных специалистов этот вид инициативы японцев был ограничен, а впоследствии было бы необходимо полностью его запретить, как в связи с несовместимостью этой деятельности статусу врачей, так и по причине низкого уровня медицинского образования в Японии [Граве 1912]. К сожалению, на сегодняшний день врачебная практика японских резидентов на российском Дальнем Востоке остаётся «белым пятном» не только вследствие отсутствия свидетельств современников и недостаточности источников, но и из-за политизированности российско-японских отношений.

Целью нашего исследования является изучение деятельности японских врачей общей врачебной практики на территории Приамурского генерал-губернаторства.

Источниками работы послужили документы российского и японского происхождения. В качестве неопубликованных источников исследования использовались материалы на японском языке из электронной базы данных об истории международных отношений Японии под эгидой Национального архива Японии Japanese Centre for Asian Historical Records (J AC AR) - Японский центр азиатских исторических записей (http://www.jacar.go.jp), выявленные и переведённые нами на русский язык. Изученные материалы представляют собой, главным образом, заявления японских резидентов в Министерство

иностранных дел (МИД) Японии о нанесённом ущербе по причине вынужденной репатриации японской диаспоры в связи с началом Русско-японской войны (1904-1905 гг.).

Врачебный Устав в Российской империи предусматривал, что иностранные врачи, желающие заниматься вольной практикой в России, были обязаны сдать экзамен и иметь свидетельства из российских университетов, сверх этого претенденты должны были владеть русским языком. Однако ввиду недостатка врачей на Дальнем Востоке России, Медицинским советом при Министерстве внутренних дел (МВД) России было сделано исключение для японских врачей. Разрешение на занятие медицинской практикой, а также на открытие аптек японскими специалистами выдавалось индивидуально в каждом конкретном случае по решению местных властей [Граве 1912]. В результате этого, на российском Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX вв. появились медицинские практики, учредителями которых являлись японские подданные.

В ноябре 1900 г. было открыто заведение Миноура Ёсио , уроженца г. Сасэбо префектуры Нагасаки. Его врачебная практика располагалась во Владивостоке в Косом переулке, 2. Первоначально деятельность Миноура ограничивалась проведением медицинских осмотров и освидетельствованием пациентов на наличие заразных и венерических болезней. В связи с началом военных действий Миноура 6 февраля 1904 г. покинул Владивосток и вернулся в Японию. После войны, в апреле 1906 г., Миноура вновь приезжает во Владивосток и занимается медицинской практикой до сентября 1922 г[1]. Надо отметить, что оставленное японское имущество в период Русско-японской войны не подвергалось конфискации местными властями и в основном было сохранено, благодаря чему многие японские мигранты приступили к своей деятельности сразу после возвращения на прежние места работы.

Клиника доктора Ёсиока Такэси , уроженца г. Сага, также располагалась в Косом переулке, 2. Это было лечебное заведение общей врачебной практики с небольшим стационаром и аптекой, в которой вместе с главным врачом работало ещё три наёмных соотечественника. Ёсиока специализировался на заболеваниях уха, горла и носа. После Русско-японской войны под его редакцией вышла в свет популярная книга для широких слоёв населения по гигиене и профилактике заболеваний органов носоглотки [Yoshioka Takeshi 1907]. Ёсиока с семьёй был

1. JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60.

эвакуирован в Японию на пароходе «Батавия» накануне войны. В заявлении на компенсацию потерь вследствие вынужденной эвакуации из Владивостока были указаны средства на организацию медицинской деятельности, потери медицинского оборудования и мебели, затраты на организацию фармацевтической деятельности. Впоследствии он занимался медицинской деятельностью на родине[2].

В апреле 1901 г. на ул. Фонтанной во Владивостоке была открыта «Лечебница доктора Мори», учредителем которой был Мори Такаси . Он родился в деревне Минамимугэ уезда Муги префектуры Гифу. В связи с надвигающейся войной в феврале 1904 г. он вернулся на родину, а большая часть имущества им была оставлена в клинике. По представленному перечню расходов на организацию медицинского учреждения, а также оставленного им оборудования можно судить о характере медицинской деятельности этого учреждения. В клинике были организованы и оснащены смотровой и гинекологический кабинеты, стационар, который включал в себя операционную и палаты для пациентов, столовую и кухню, имелась собственная аптека. В список оставленных материальных ценностей входили медицинские инструменты, запас лекарственного сырья и перевязочных материалов, продовольствие и дрова. В сумму ущерба были включены неоплаченные счета пациентов за оказанные медицинские услуги и лекарства. После Русско-японской войны Мори Такаси жил и работал в Харбине. В 1908 г. медицинским управлением Китайско- Восточной железной дороги (КВЖД) ему было выдано разрешение на занятие частной врачебной практикой, однако его деятельность была ограничена обслуживанием только з соотечественников, китайцев и корейцев[3].

Из архивных источников стало известно, что с мая 1901 г. по февраль 1904 г. во Владивостоке была организована частная медицинская практика Аоки Самугю , уроженца г. Токио. Его клиника и жильё располагались на ул. Пекинской. В момент эвакуации ему пришлось оставить большую часть имущества, а именно медицинские инструменты и оборудование, медикаменты, перевязочные материалы, мебель[4].

Частная медицинская практика врача общей практики Сида Кани была организована во Владивостоке в 1902 г. В мае

2. JACAR.B09072701800, с. 1–8.
3. JACAR.B09072803400, с. 1–3; B09072836700, с. 78; B12082208500, с. 2–4.
4. JACAR.B09072836700, с. 78; B09072775100, с. 2.

1906 г. Сида подал заявление об ущербе, понесённом в связи с подготовкой в 1903 г. к открытию лечебного учреждения со стационаром, которое должно было располагаться на ул. Семёновской. Согласно этому документу, общий ущерб составил весомую по тем временам сумму, в которой фигурируют средства, потраченные на организацию учреждения, закупку медицинских инструментов и медикаментов, аренду помещения, средства, потраченные авансом на заработную плату сотрудникам[5].

В японских источниках упоминается врач Кидо Ёносукэ , который осуществлял свою деятельность во Владивостоке на ул. Алеутской, а после войны на ул. Фонтанной. Обращает на себя внимание то, что Кидо наряду с другими соотечественниками, в том числе с рядом японских докторов, регулярно перечислял пожертвования на содержание «Владивостокского торгового ежемесячного вестника» на японском языке. Издание готовилось к печати Владивостокским обществом изучения торговли, которое было учреждено летом 1902 г. Готовый материал печатался в г. Цуруга префектуры Фукуи для японцев, проживавших на Дальнем Востоке[6]. Интересен и тот факт, что в «Справочнике по Владивостоку», изданному в Японии в 1902 г., отмечалось, что клиники докторов Кидо, Миноура, Ёсиока (в источнике ошибочно записано Ёсида) «пользуются большим доверием во Владивостоке и сюда приезжают на лечение многие русские и китайцы» [Tsunoda Tajirou 1902]. Можно предположить, что «большое доверие» материализовывалось в высокие гонорары.

В августе 1902 г. организовал медицинскую практику в Никольске уроженец деревни Минамикасима уезда Фудзицу префектуры Сага Кубусиро Канэясу . Обращает на себя внимание тот факт, что до него в арендованном им помещении была организована лечебная деятельность врача Такаги Тосимити , уроженца г. Осака. Однако летом 1902 г. он был приглашён на работу в Харбин. Из японских источников стало известно, что Кубусиро 10 июля 1902 г. получил свидетельство врачебного отделения при военном губернаторе Приморской области, разрешающее заниматься врачебной практикой исключительно среди японского населения. При этом он должен был выполнять ряд условий: уведомлять администрацию города о каждом случае выявления заразной болезни, о каждом случае

5. JACAR.B09072831700, с. 13, 62; B09072795400, с. 1–7.
6. JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60.

насильственной смерти, тяжёлых отравлениях и опасных повреждениях, предоставлять врачебному инспектору Приморской области ведомости о принятых больных по прилагаемым образцам. Разрешение было выдано помощником врачебного инспектора Приморской области во Владивостоке, доктором медицины Н.Е. Акацатовым. В феврале 1904 г. Кубусиро вернулся на родину. В результате эвакуации ему пришлось оставить укомплектованное всем необходимым лечебное учреждение и аптеку[7]. Необходимо отметить, что действовавшие аптеки при японских лечебницах создавались для изготовления лекарств и их отпуска пациентам, которые лечились в этих заведениях. Функции провизоров и фармацевтов выполняли японские работники. Готовые лекарственные формы, а также различные медицинские товары также продавались в универсальных магазинах, владельцами которых являлись подданные Японии.

Следует отметить, что иногда появление и пребывание врачей в России, в том числе на арендованных Россией территориях в Маньчжурии, не были случайными. В определении места работы японских врачей общей практики было причастно японское коммерческое агентство во Владивостоке и одно из обществ японских резидентов в городах Дальнего Востока. Как правило, коммерческое агентство оказывало содействие только в обустройстве своих подданных на Дальнем Востоке, при этом никаких денежных средств не выделяло. Деятельность такого рода врачей регулировалась договорными обязательствами приглашающей стороны, например, по условиям договора мог быть оплачен проезд к месту работы, аренда жилья, а также мог быть предоставлен заём на обустройство лечебницы и т.п. К такой категории можно отнести доктора Итикава Наотаро , уроженца г. Осака, который прибыл на российский Дальний Восток в сентябре 1902 г. по приглашению главы общества японских резидентов во Владивостоке и содействии японского коммерческого агента. В случае с Итикава приглашающая сторона изначально предполагала целенаправленное его использование в качестве многопрофильного специалиста для решения проблем с оказанием медицинской помощи в японских общинах. Что касается лечения россиян, то этот момент рассматривался как возможный побочный бизнес в его врачебной деятельности[8]

7. JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60; B09072715000, с. 5.
8. JACAR.B09072829600, с. 8, 12.

Получив разрешение от российских властей на ведение частной медицинской деятельности, Итикава открывает в Хабаровске клинику общей врачебной практики. Однако через год он переезжает в Благовещенск, где на ул. Никольской открывает аналогичное заведение. В результате разразившейся Русско-японской войны он с семьёй был репатриирован через европейскую часть России и Германию в Японию. Кстати, Итикава оказался единственным доктором, который оказывал медицинскую помощь своим соотечественникам-репатриантам в количестве нескольких сот человек по пути следования в Германию. Об оснащении его клиники в Благовещенске и проводимой там лечебной работе дают представления выявленные документы. В своём заявлении о понесённом ущербе он указывает на потерю инструментов для осмотра и физикального обследования пациентов, хирургических инструментов, включая операционный стол, устройство для ингаляционного наркоза, микроскопа, стерилизатора и средств для дезинфекции. Кроме того, акушерские и гинекологические инструменты, включая гинекологический операционный стол; офтальмологические инструменты и аппараты, линзы и очки; зубоврачебные инструменты и приспособления, включая зубоврачебное кресло, бормашину, инструменты для лечения зубов, пломбировочные материалы; урологические инструменты и приспособления, приборы и устройства для проведения анализа мочи, а также инструменты и приспособления для приготовления лекарственных форм, включая весы, стеллажи, различные емкости, сырьё и медицинская литература. В список потерянного имущества были включены конюшня, хозяйственные постройки, телега, сани, мягкий инвентарь, мебель, запас продовольствия[9].

С августа 1902 г. по 17 марта 1904 г. в Николаевске осуществлял медицинскую деятельность Накама Рюдзо (другое чтение фамилии: Тю ма) , уроженец г. Химэдзи префектуры Хёго. Примечательно, что с сентября по декабрь 1904 г. у Накама работал по договору переводчик русского языка Нагаока Тацудзути . Считалось, что незнание японскими врачами русского языка являлось существенным препятствием для их работы с русскоговорящими пациентами, т.к. они не могли правильно поставить диагноз и, следовательно, правильно лечить больного. Ряд врачей обходили это препятствие путём найма переводчиков, но не везде это было возможно. Многие

9. JACAR.B09072836300, с .4, 9, 26, 34, 37, 59–60; B09072829600, с. 8, 12.

переводчики того времени были самоучками, поэтому их уровень знания русского языка очень часто оставлял желать лучшего. В начале войны, врач с семьёй и переводчиком были репатриированы через европейскую Россию в немецкий порт Бремен, а далее на родину. Всё своё имущество Накама пришлось оставить в Николаевске. В японских источниках также упоминается врач Накамидзо Кэнъити , уроженец г. Сага, который с 1907 г. по март 1920 г. жил и работал в Николаевске[10].

Согласно японским источникам, в Хабаровске с октября 1907 г. по октябрь 1920 г. занимался медицинской практикой Акасаки Масухико , уроженец деревни Оэмура уезда Амакуса префектуры Кумамото, который специализировался по внутренним и венерическим болезням. Из документов мы узнали, что он имел разрешение на врачебную практику от российских властей, в клинике работало 4 члена семьи и 4 наёмных работника, имелся стационар на 20 коек. Акасаки был активным членом общества японских резидентов «Кёрюминкай», являлся полномочным представителем верующих в японском буддийском храме «Хафу Хонгандзи»[11].

Практика выдачи разрешений на врачебную деятельность японцев в Приамурском генерал-губернаторстве с 1908 г. стала ужесточаться и была ограничена исключительно японским населением, китайцами и корейцами. В Приамурском крае, по свидетельству врачебной инспекции, в 1910 г. лишь 8 врачей официально имели разрешение на медицинскую деятельность среди своих соотечественников: во Владивостоке - 5 чел., в Никольске - 2 чел., в Николаевске - 1 чел. [Граве 1912], причём в том же источнике утверждалось, что в Благовещенске и Хабаровске такие специалисты отсутствовали. Однако в Хабаровске, согласно японским архивным данным, в 1910 г. официально работала клиника общей практики, и её владельцем был вышеупомянутый Акасаки Масухико.

Кроме официально зарегистрированных врачей медицинской практикой занимались и нелегально. Например, в 1910 г. в сёлах Благословенное, Игнашино и Покровка такого рода лекари практиковали круглый год. Японский врач из села Покровка, опасаясь преследования, переехал на территорию Китая, где вёл медицинский приём казаков, приезжавших туда из России. К сожалению, преследовать таких медиков, по мнению местных властей, было крайне трудно. Это было связано с тем, что в ряде

10. JACAR.B09072854500, с. 4–6.
11. JACAR.B09073196200, с. 1–6.

мест население их скрывало, боясь остаться совершенно без врачебной помощи [Граве 1912].

Была и другая сторона нелегальной врачебной деятельности. В 1912 г. представитель генерального консульства во Владивостоке Симада Сигэру посетил ряд городов Дальнего Востока. В своём отчёте он упоминает деятельность японских врачей с положительной стороны, однако подчёркивает, что некоторые из них не оформляют у местных властей никаких разрешительных документов по причине того, что не имеют даже японского медицинского диплома, поэтому занимаются врачеванием «совершенно нелегально»[12].

Изученные нами документы указывают на то, что в 1915 г. в Сретенске была организована медицинская практика Хидака Митиэ , уроженца деревни Куманодзё уезда Сацума префектуры Кагосима. В японском архиве сохранились документы, свидетельствующие о том, что во время своего пребывания в Сретенске Хидака в январе 1916 г. направлялся в Москву на 4-месячную стажировку в российский госпиталь. По завершении стажировки он сдал экзамены на русском языке, получил медицинский диплом, который позволял ему работать в России без ограничений, и возвратился в Забайкалье[13]. После Октябрьской революции его врачебная деятельность осуществлялась в Хабаровске и Никольском.

В ноябре 1916 г. Хабаровским обществом японских резидентов для работы в городе по обслуживанию в первую очередь членов местной японской диаспоры был приглашён врач Хамамацу Тэцуо , который до этого, с марта по ноябрь 1916 г., жил и работал в Никольске. Он родился 4 февраля 1892 г. в районе Тэмпи г. Наха префектуры Окинава. Согласно визитной карточке, копия которой помещена в японском архиве, его больница находилась по адресу: ул. Протодьяконовская, Средняя гора, склон к Чердымовке, дом Ступина, № 52. Лечебное заведение представляло собой отдельно стоящий дом площадью 100 кв. м., огороженный изгородью. В Хабаровске Хамамацу прожил до 28 марта 1920 г. Судя по описи оставленного им медицинского оборудования, в его клинике приём больных осуществлялся по следующим направлениям: терапия, хирургия, гинекология, венерология и зубоврачевание. Хамамацу был активным членом японской общины в Хабаровске, во время проведения собраний всегда выбирался в президиум[14].

12. JACAR.B16080794000, с. 84.
13. JACAR.B09073272400, с. 6

Ещё одной стороной японского медицинского присутствия в Приамурском генерал- губернаторстве являлось оказание японскими врачами и фельдшерами медицинской помощи коренному населению Дальнего Востока, а также русским рабочим на сезонной рыбалке вне медицинских организаций. Это стало реальностью в результате предоставления японским рыбопромышленникам возможности заниматься рыбной ловлей по всему русскому побережью Тихого океана, а также права на скупку рыбы у местного населения и её переработки по морским берегам России. Однако врачебная деятельность в отдалённых местах, по мнению В.В. Граве, была абсолютно нежелательна, по причине отсутствия какого-либо контроля [Граве 1912].

Таким образом, неразвитостью системы общественного и ведомственного здравоохранения, а также низким качеством медицинского обслуживания в лечебных учреждениях региона, практически полным отсутствием вольной медицинской практики воспользовались японские врачи и вспомогательный медицинский персонал (фельдшеры,
акушеры, дантисты, фармацевты и др.), которые стали заполнять пустующие ниши коммерческой деятельности в этом направлении.

Деятельность городских вольнопрактикующих японских врачей была направлена, в первую очередь, на удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании и лекарственном обеспечении членов диаспоры, в числе которых были довольно обеспеченные люди - владельцы торговых домов, ремесленники, торговцы, рестораторы и содержатели гостиниц, ювелиры и часовщики, а также их семьи. В связи с этим нельзя не отметить многочисленные дома терпимости, которые открывали японские мигранты, где главными действующими лицами были японские женщины. Оказание японскими врачами медицинской помощи в сельской местности не было распространённым явлением.

Особенностью врачебной деятельности японцев на российском Дальнем Востоке было то, что она была неотделимо связана с национальной диаспорой, повседневная жизнь которой находилась под постоянным контролем со стороны японских неправительственных объединений, членами которых фактически был каждый японский эмигрант. Более того, японские врачи ещё до начала Русско-японской войны были объединены на российском Дальнем Востоке профессиональным союзом, что вкупе со сплочённостью, общей поддержкой и

14. JACAR.B09073196800, с. 6–12; B09073215900, с. 4–26.

взаимной согласованностью планов придавало деятельности врачей особые конкурентные преимущества.

Нельзя не отметить такие черты национального характера японцев, как трудолюбие, аккуратность, сдержанность, способность быстро и качественно выполнять возложенные на них обязанности. Это позволило им за короткий период времени обзавестись обширной клиентурой, в т.ч. среди российского населения. С другой стороны, постоянно увеличивающиеся объёмы практики, наличие платежеспособного населения, заработанный личный авторитет, наличие рекламы обеспечивали практику высокими гонорарами.

Мы не располагаем конкретными сведениями о специализации японских врачей, но по обнаруженным документам можно заключить, что большинство их не имело никакой специализации. Однако в спектр оказываемых японскими врачами услуг, кроме общей врачебной практики, входили хирургическая, гинекологическая, офтальмологическая, зубоврачебная помощь, лечение внутренних, венерических и инфекционных болезней. Одной из особенностей развития частной врачебной практики является появление лечебных заведений - общих и специализированных, в составе которых была амбулатория и стационар, причём в таких лечебницах работали не только родственники учредителей, но и наёмные работники.

К сожалению, недостаток врачей, высокая стоимость лечения у дипломированных специалистов с одной стороны, низкий уровень материального достатка и культурного развития части населения, недоверие к официальной медицине с другой, а также повышение конкуренции в этой отрасли приводили к тому, что формировался теневой рынок японских медицинских услуг. Общественность региона, в том числе многие медицинские работники, обращала внимание на то, что японские подданные, именуя себя врачами, стали заниматься врачебной практикой вне медицинского надзора, причиняя населению «больше вреда, чем добра», и требовала от местной власти более жёсткой борьбы с незаконной частной практикой [Гончар 2018]. Было и другое мнение, заключавшееся в том, что многие японские врачи в медицине ничего не понимали и лечили самыми простыми средствами, не приносящими никакой пользы [Граве 1912].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васкевич П.Г. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск. 1905.

Вехотина Ю.А. Формирование японской диаспоры на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 2006. №3. С. 190-195.

Гончар В.В. Стоматологическая помощь на Дальнем Востоке России: организация и повседневная практика (1890-1991 гг.): монография. Хабаровск. 2018.

Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчёт Уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб. 1912.

Моргун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 90-108.

Поволоцкий В.Д. Расцвет и трагический исход японской диаспоры в Хабаровске в период с конца 19 века по октябрь 1920 года : монография. Токио. 2018.

Тамура Айка. Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX - первой трети XX в. (По источникам и литературе на японском языке): автореф. дне. ... канд. истор. наук. Владивосток. 2007.

REFERENCES

Gonchar, V.V. (2018). Stomatologicheskaya pomoshch' na Dal'nem Vostoke Rossii: organizatsiya i povsednevnaya praktika (1890-1991 gg.) [Dental Care in the Russian Far East: Organization and Daily Practice (1890-1991)]. Khabarovsk. (In Russian).

Grave, V.V. (1912). Kitaitsy, koreitsy i yapontsy v Priamur'e. Otchet Upolrtomochemogo Ministerstva inostrannykh del V.V. Grave. Trudy komandirovannoi po Vysochaishemu poveleniyu Amurskoi ekspeditsii [Chinese, Koreans, and Japanese in the Amur Region. Report of the Commissioner of the Ministry of Foreign Affairs V.V. Grave. Proceedings of the Amur Expedition sent by the Highest Order], Saint Petersburg. (In Russian).

Morgan, Z.F. (1996). Yaponskaya diaspora vo Vladivostok^ (stranitsy istorii) [Japanese Diaspora in Vladivostok (Pages of History)]. Izvestiya Vostochnogo institute! Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University], 3, 90-108. (In Russian).

Povolotsky, V.D. (2018). Rastsvet i tragicheskii iskhodyaponskoi diaspory v Khabarovske vperiod s kontsa 19 veka po oktyabr' 1920 goda [Flourishing and Tragic Departure of the Japanese Diaspora in

Khabarovsk from the End of the 19th Century to October 1920]. Tokyo. (In Russian).

Tamura, Aika. (2007). Yaponskaya immigratsiya na Rossiyskii Dal'nii Vostok vo vtoroi polovine XIX - pervoi treti XX v. (Po istochnikam i literature na yaponskom yazyke) [Japanese Immigration to the Russian Far East in the Second Half of the 19th - First Third of the 20th Centuries (Based on Sources and Literature in Japanese)]. Candidate of Historical Sciences dissertation summary. Vladivostok. (In Russian).

Vaskevich, P G (1905). Ocherk byta yapontsev v Priamurskom kraye [Essay on the Life of the Japanese in the Amur Region], Verkhneudinsk. (In Russian).

Vekhotina, Yu.A. (2006). Formirovaniye yaponskoy diaspory na Dal'nem Vostoke Rossii [Formation of the Japanese Diaspora in the Far East of Russia], Rossiya i ATR [Russia and the Asia Pacific Region], 3, 190-195. (In Russian).

* * *

Tsunoda Tajirou. (1902). Urajio annai [Guide to Vladivostok], Tokyo: Nichiro Keizaikai. (In Japanese).

Yoshioka Takeshi. (1907). Eisei kydiku. Jibi inko no shiori [Hygiene education. Manual of otorhinolaryngology]. Saga. Yoseido. (In Japanese).